

С. Е. ЛЯПИН

К ДЕМИФОЛОГИЗАЦИИ РИТМИКИ РУССКОГО 4-СТОПНОГО ЯМБА

(преимущественно на материале одического стиха Державина)

Четырехстопный ямб может быть по праву назван если не самым изученным, то, по меньшей мере, самым изучаемым русским стихотворным размером. Несмотря на это ряд теоретических положений — из тех, на которых базируется традиционное представление о 4-стопном ямбе, — не выдерживает проверки. Одно из таких положений, которое мы рискуем отнести к разряду «мифов современного стиховедения», будет подробно рассмотрено в нижеследующей статье.

Характеризуя отличительные признаки 4-стопного ямба XVIII в., обычно говорят о «сильной», или «устойчивой» первой стопе. Что при этом имеется в виду? Во всяком случае, не один только факт высокой ударности этой стопы, ибо «все устойчивые икты обнаруживают значительно более высокий процент ударности в фактическом стихе по сравнению с теоретическими и случайными двусложниками» (Тарановский 1971, 425). Вот что говорит М. Л. Гаспаров о ритмической роли 1-го икта в стихе XVIII в.: «4-ст. ямб может иметь 6 ритмических вариаций: без пропусков ударения („Спешй, спешй, о Мўза, вслѣд“), с одним пропуском („И колебать престаньте свѣт“, „Великая Петрова дщѣрь“, „Гласить велики именá“) и с двумя пропусками („Екатери́ниной рукой“, „Изво́лила Елисавет“). Пропорции их в теоретической модели „естественного“ стиха таковы, что создается характерный ритм: I-я стопа чаще несет ударения, чем II-я, а II-я чаще, чем III-я. Именно этот ритм сохраняется и подчеркивается в стихе XVIII в.: вариации с пропуском ударения на II стопе („Великая Петрова дщѣрь“ и „Изво́лила Елисавет“) употребляются вчетверо чаще, чем вариации „И колебать престаньте свѣт“ и „Екатери́ниной рукой“ (в теоретической модели — только вдвое)» (1984, 76; разрядка наша. — С. Л.)¹.

Если бы 1-й икт ямбического четырехстопника в XVIII в. действительно был значимым образом усилен, это неизбежно сказалось бы на относительном повышении его ударности по сравнению с другими иктами. De facto этого не произошло. Чтобы показать это, воспользуемся данными К. Ф. Тарановского (1971, 424) о проценте ударности иктов в теоретической модели 4-стопного ямба (78,8 — 61,3 — 44,9 —

100,0) и в реальном стихе XVIII в. (93,2 — 79,7 — 53,2 — 100,0). В ямбе XVIII в. 1-й икт ударнее 2-го в 1,2 раза (или на 13,5%), а в теоретическом — в 1,3 раза (или на 17,5%). Это значит, что никакого намеренного усиления, или «подчеркивания», 1-й стопы не наблюдается; даже наоборот, можно отметить сравнительно больший прирост ударности 2-го икта. На беглый взгляд, между этими цифрами и теми, на которые опирается Гаспаров, есть какое-то противоречие. Однако это противоречие мнимое — ошибочен только вывод. Рассмотрим подробнее статистику Тарановского (1971, 423 слл.), отражающую употребительность ритмических форм 4-стопного ямба в XVIII в.: доля I формы — 31,1%; II — 3,4%; III — 18,7%; IV — 41,9%; VI — 3,4%; VII — 1,5%. Сопоставим эти показатели с теоретической моделью: I форма — 11,3%; II — 6,3%; III — 26,6%; IV — 29,5%; VI — 14,2%; VII — 11,4% (кроме того, возможно незначительное количество стихов V формы — 0,7%: $\cup\cup\cup\cup\cup\cup\cup\cup$)². Как видим, общие пропорции мало отличаются от установленных Гаспаровым: совокупная употребительность III-й и VII-й форм в реальном стихе превышает употребительность форм II-й и VI-й втрое (20,2 : 6,8 ≈ 3,0), тогда как в теоретическом стихе — менее чем вдвое (38,0 : 20,5 ≈ 1,9). И всё-таки относительного усиления 1-й стопы в 4-стопном ямбе XVIII в. не было.

Попробуем понять, в чем сущность этого кажущегося противоречия. Исследователи справедливо отмечают, что в «естественном стихе» 1-я стопа 4-стопного ямба несет ударение чаще, чем 2-я. Но вызвано это «усиление» 1-й стопы лишь тем, что «естественное» появление III формы (*Великая Петрова дщерь*) более вероятно, чем появление II-й (*И колебать престаньте свет*). Напротив, все остальные вариации 4-стопного ямба как бы «противодействуют» такому «усилению», «стремясь» уравнивать два начальных икта или даже инвертировать их отношение (ср. «естественную» частотность форм VI и VII). Удивляться этому не приходится: ведь «естественный языковой ритм» — понятие условное; язык совершенно безразличен к ударности стоп «теоретического стиха». Иное дело поэт: если бы он и впрямь пожелал выделить какую-либо стопу и начал перестраивать «естественный ритм» в соответствии с этим намерением, перестройка неизбежно сказалась бы на употребительности каждой формы (но нельзя, конечно, упускать из виду и того, что поэт, как правило, ставит перед собой не одну, а целый ряд формальных задач, которые могут приходиться в столкновение друг с другом). Если же, как свидетельствуют

цифры, к сравнительной ударности иктов поэты XVIII в., по сути дела, в целом равнодушны, значит, отклонение от «естественной нормы» происходит по другим причинам.

В нашем случае достоверно известны две из них: 1) стремление четче обозначить первичный ритм 4-стопного ямба (отсюда повышенная частотность стихов I формы) и 2) стремление сократить число строк с одновременным пропуском двух ударений. Последнее сыграло решающую роль в возникновении иллюзии «отягчения» 1-й стопы: резкое понижение частотности VI и VII форм (*Екатери́ниной руко́й; Изво́лила Елисавет*) «рикошетом» изменило (по сравнению с «естественным стихом») пропорцию форм с безударным 1-м vs безударным 2-м иктом [(II + VI) : (III + VII)]. С намеренным повышением ударности 1-го икта этот процесс не имеет ничего общего: в 4-стопном ямбе XVIII в. мнимое отягчение 1-й стопы за счет форм III-й и VII-й компенсируется «выравнивающим вмешательством» форм I-й и IV-й, которые не были приняты в расчет в рассуждениях Гаспарова. Здесь уместно вспомнить замечание Б. В. Томашевского о том, что иногда «слушатель лишь ощущает бо́льшую или ме́ньшую эвритмичность речи, но осознание того, чем это вызывается, требует уже логического отвлечения от конкретного матерьяла<, > и в этом случае обычны примеры ложного осознания — указаний на явления<, > в создании эвритмии не участвующие» (1929, 261). К такого рода случаям «ложного осознания» относится, по всей видимости, и суждение об «усилении» первой стопы в 4-стопном ямбе XVIII в.: хотя употребительность I, VI и VII форм заметно расходится с их «естественной» (языковой) вероятностью, распределение ударений между стопами мало отличается от теоретически прогнозируемого³.

Посмотрим на затронутую нами проблему с несколько иной точки зрения. «Стремление» поэтов XVIII в. к повышенной ударности 1-й стопы часто связывалось с их «пристрастием» к III ритмической форме (*На ла́ковом полу́ моём; Живи́ и распложáй нау́ки*). В стихах того времени (и особенно у Державина) строки с пиррихией на 2-й стопе встречаются намного чаще, чем у поэтов XIX в.: «Прямо противоположен пушкинскому ритм державинского Я4 <= 4-стопного ямба>: асимметричность; второй икт слабее первого (следствие предположения III формы); вместо двух волн подъема — одночленность, акцентная выделенность конца и начала стиха» (Холшевников 1991, 147; разрядка наша. — С. Л.). Мы позволим себе усомниться в справедливости этой характеристики и попытаемся обосновать свою пози-

цию с помощью анализа державинского стиха ⁴. Выпишем для начала общие данные В. Е. Холшевникова по 11-ти одам Державина (I форма — 30%; II — 5%; III — 22%; IV — 38%; VI — 5%; VII — 0,5%) и сопоставим их с уже приводившимися показателями теоретического стиха по Тарановскому. Сравнивая эти ряды цифр, мы можем допустить у Державина по отношению к III форме лишь терпимость или даже слабо выраженное желание ее избежать, но уж никак не «предпочтение»: встречаемость стихов этой формы (22%) несколько меньше расчетной оценки (26,6%), зато употребительность IV формы, от которой Державин, по мнению Холшевникова, старался воздерживаться (38%), наоборот, превосходит теоретическую величину (29,5%). Все это плохо согласуется с устоявшимися взглядами на взаимно противоположные ритмические устремления поэтов XVIII и XIX вв.: «<...> асимметричный ритм <...> был в оде достоинством <...> В XIX в. поэт, вероятно, написал бы „В своей серебряной порфире“» (Холшевников 1991, 147); «<...> там, где Державин строил стих „В серебряной своей порфире“, поэт новой эпохи написал бы „В своей серебряной порфире“» (Гаспаров 1984, 135).

Оба исследователя уверяют, что в тех случаях, когда Державину предоставлялась возможность выстроить из одного и того же набора слов строки III и IV формы, поэт предпочитал стихи с пиррихией на 2-й стопе. Так ли это на самом деле? К решению проблемы очень близко подошел Холшевников, но прояснить ситуацию ему помешала ложная аксиома о неперемной одноподчиненности грамматических и ритмических процессов: «<...> в некоторых стихах при „естественном“ синтаксическом строе семантически важные, поэтически эффектные слова оказывались в середине стиха, на самом незаметном месте. Державин любит выносить такие слова в начало стиха: *В серебряной... порфире, Блестаючи... она, И в крепком... сне, На жертвенном... жару, Божественны... черты* <...> стихи такого строения, как „На жертвенном она жару“, воздействуют на читателя одновременно и ритмически (асимметричная, затрудненная форма), и стилистически (сильная инверсия), и семантически (важные для поэта слова располагаются на ритмически сильных местах)» (Холшевников 1991, 147—148) ⁵.

Присмотримся внимательнее к примерам Холшевникова. В трех случаях из пяти наиболее важное для Державина многосложное слово, оказываясь в начальной позиции и нарушая этим прямой порядок слов, сдвигает в середину строки двусложное местоимение: *В серебряной*

своей порфире, На жертвенном она жару, Божественны ее черты. Вполне соглашаясь с тем, что Державин неслучайно расставил слова именно так, а не иначе (*В своей серебряной порфире, Ее божественны черты*), мы полагаем, что причина этого заключена не в ритмических, а синтаксических «симпатиях» автора. Чтобы доказать это, мы отобрали из 2197 строк нашего материала все стихи, по своей акцентно-словораздельной структуре совпадающие с вышеупомянутой парой строк. Дополнительным условием являлось требование графической целостности метрических слов (исключение было сделано для служебных слов, которые не содержат гласных); это позволило резче обозначить ритмические контуры стиха, не сглаженные сверхсхемными ударениями вроде *вся твердь, мной зримая* и т. п.⁶

Наша выборка, естественно, распалась на две группы так называемых «строк-изомеров», то есть стихов, составленных из одних и тех же типов слов, но в разном порядке. Это стихи III формы: $\cup' \cup \cup | \cup' | \cup' (\cup)$ (*Румяною зарей в ночи, Которая сама трудится*) — и стихи IV формы: $\cup' | \cup' \cup \cup | \cup' (\cup)$ (*Богатств стяжанье минет, Кропя забвения росю*). Понятно, что встречаемость «изомерных» строк разной формы при случайном распределении слов будет одинаковой. В нашей выборке (см. табл. 1) стихи III и IV формы как раз оказались представленными почти поровну: их соответственно 51% и 49%. Что из этого следует? Только то, что никакой ритмической тенденции проведенный анализ не выявил. Из той же таблицы видно, что стихи с двусложным местоимением в срединной позиции — а это исключительно строки III формы (*Божественны ее черты, Исследуем твои деянья*) — в полтора с лишним раза употребительнее строк-«двойников» IV формы, начинающихся двусложным местоимением (*Мои безмолвствуют уста, К тебе усердием, Фелица*). Не следует думать, что Державин хотел таким образом «утяжелить» 1-й икт (убрав с него местоимения, которые по силе ударности уступают другим неслужебным частям речи): именно существенные, несущие, как правило, наиболее тяжелые ударения, еще отчетливее, чем местоимения, тяготеют к середине строки — встречаемость их в этой позиции возрастает в 2,6 раза по сравнению с началом стиха (*Желанием честей размучен, Исследовать судеб Твоих* и мн. др.). Остальные части речи предпочтительно открывают стих. В первую очередь это касается глаголов, которые в отобранных нами изомерах попадают только в начальной двусложной позиции, то есть в стихах IV формы (здесь они составляют более четверти всех случа-

ев — 12 из 42: *Прошу* великого пророка, *Воскрес* отечества отец и проч.).

В нашей выборке все языковые тенденции, накладываясь друг на друга, в итоге словно бы поддерживают баланс между изомерными ритмами. Баланс этот, однако, может быть нарушен, но даже сильные непредсказуемые расхождения в употребительности строк-изомеров во все не обязательно сигнализируют о ритмических вкусах автора: одна из синтаксических тенденций в языке поэта может возобладать, и тогда создастся видимость предпочтения какого-либо из изомерных ритмов (в другом случае преобладающей окажется иная тенденция, и, весьма вероятно, наиболее частотным станет ритм «противоположный»). Продемонстрируем это на изомерах II и III формы: $\cup\cup\cup'|\cup'|\cup'(\cup)$ (*Благословляй судеб удар, Предусмотря свою выгоду*) и $\cup'|\cup\cup\cup'|\cup'(\cup)$ (*Скрыжаль заповедей святых, Лицом благоволи явиться*). Частотность графически нерасчлененных четырехсложных слов с ударением на последнем слоге (*предусмотря, заповедей, благоволи...*) низка, и потому есть необходимость расширить выборку с помощью стихов, в которых четырехсложную вакансию замещают широко употребительные сочетания с односложной проклитикой: *Сошла со облаков жена, Как укрощать страстей волнение* и т. д. (см. табл. 2). Результат подсчетов достаточно выразителен: стихов II формы оказалось вдвое больше, чем III-й (68% против 32%). Но за этими цифрами не кроется никакой ритмической тенденции: ни предпочтения II формы, ни избегания III-й. Мы видим знакомое распределение слов по строке: двухсложные местоимения и существительные Державин охотнее помещает в середину строки, а не в начало; глаголы же стремятся открывать стих (но теперь это уже строки III формы: *Сошла со облаков жена, Живи и распложай науки*). Поляризация здесь еще отчетливее, чем в предыдущем случае: так, строки с существительным или местоимением в середине стиха (*Благословляй судеб удар, Не дорожа твоим покоем*) почти в 10 раз употребительнее строк-«двойников» типа *Скрыжаль заповедей святых, Ничто от роковых кохтей*⁷.

Казалось бы, «возмущающее воздействие» лингвостилистических факторов на процесс формирования стиха способно обесценить любые подсчеты строк-изомеров, предпринимаемые с целью собственно ритмического анализа. И всё же это не совсем так: описание ритмики на основе подсчетов такого рода иногда может быть адекватным. Сравним, например, данные Г. А. Шенгели (1923, 141, 147) по стиху Дер-

жавина и Пушкина, учитывающие все изомерные модификации 4-стопного ямба (см. табл. 3—4⁸). У обоих поэтов общее число строк III формы меньше числа их изомеров. Но если у Державина доля III формы среди строк-изомеров уступает совокупной доле II и IV формы только в полтора раза $[(II + IV) : III = 311 : 206 \approx 1,5]$, то у Пушкина — более чем четверо $[(II + IV) : III = 1054 : 253 \approx 4,2]$. Однако еще важнее другое: пушкинские данные однородны (каждая изомерная пара подтверждает итоговое соотношение), тогда как подсчет по державинским одам, наоборот, дает довольно пеструю, существенно неоднородную картину. Иначе говоря, у Пушкина сразу видна господствующая, определяющая тенденция: III форма всюду явно избегается. Эта тенденция превосходит по силе все многообразные лингвостилистические факторы, из которых ни один не в состоянии значимым образом изменить соотношение внутри любой из изомерных пар. В ямбе Державина ситуация качественно иная: тут нельзя заметить никакой сильной ритмической тенденции, которая, накладываясь на обусловленные синтаксисом колебания показателей, нейтрализовала бы (как это происходит у Пушкина) отдельные языковые предпочтения. Правда, полного равновесия между III формой и ее изомерами у Державина всё-таки нет, но если он и отказывался изредка от III формы, выбирая вместо нее II-ю или IV-ю, этот отказ имел у него принципиально другой характер, нежели частичный запрет на использование III формы у Пушкина⁹.

В завершение краткого анализа материалов Шенгели мы постараемся ответить на вопрос, важный с методологической точки зрения: какова природа дисбаланса частот в одной паре изомеров у Державина? Словораздельные вариации IV формы $\cup\cup|\cup\cup|\cup\cup\cup$ (*В опушке заяц быстроногий*) встречаются впятеро чаще их изомеров III формы $\cup\cup|\cup\cup\cup|\cup$ (*Ловцуки раздаются роги*): $115 : 24 \approx 4,8$ (см. Шенгели 1923, 141). Чтобы выяснить, не связано ли это обстоятельство с рифмой (ср.: *В опушке заяц быстроногий* — *В опушке быстроногий заяц*), мы обратились к подсчетам Шенгели (1923, 163—167) по белому бесцезурному 5-стопному ямбу маленьких трагедий и «Русалки», где можно найти аналогичные изомерные фрагменты: $\{\cup\cup\cup\}\cup|\cup\cup\cup$ (*Кто знает, сколько горьких воздержаний*); $\{\cup\cup\cup\}\cup\cup\cup|\cup$ (*Владеть которым не имеет права*). Оказалось, что здесь имеет место почти столь же сильный перекокс в сторону преимущественного употребления сочетаний $2^1 + 4^3$ (типа *заяц быстроногий*): $39 : 10 = 3,9$. Следовательно, гипотезу о влиянии риф-

мы на ритм надо признать необоснованной: в рифмованном стихе «Домика в Коломне» диспропорция даже несколько ослаблена ($11:4 = 2,75$). С другой стороны, никакого собственно ритмического влечения к 5-стопным стихам с пиррихием на 4-й, а не на 3-й стопе (...горьких воздержаний vs ...не имеет права) у Пушкина тоже нет: в этом нетрудно убедиться, рассмотрев еще одну («контрольную») пару изомеров: { $\cup\cup'$ }| \cup' | $\cup\cup\cup'$ (\cup) (Он мне хотел язык засеребрить) — { $\cup\cup'$ }| $\cup\cup\cup'$ | \cup' (\cup) (До наших мод, благодаря судьбе). В «Домике в Коломне», маленьких трагедиях и «Русалке» первые формы относятся ко вторым как $17:19 \approx 0,9$. Всё это говорит о том, что причину высокой употребительности сочетаний $2^1 + 4^3$ в конце стиха (предложения? синтагмы?) надо искать не где-нибудь, а в языке. Сопоставление рифмованных и нерифмованных строф в державинском четырехстопнике (начиная с «Осени во время осады Очакова») позволяет сделать сходное заключение в отношении вообще всех изомерных пар с нефиксированным положением конечного слова¹⁰.

Всё указывает на то, что никакое квантитативное описание стиха не может быть признано отражающим его реальное устройство, если при этом не выполняется условие однородности статистических данных. Именно отсутствие однородности характерно для всех предыдущих подсчетов по 4-стопному ямбу Державина¹¹. И данные Шенгели, и наши поправки к работе Холшевникова показывают «случайность» отклонений от нейтрального, «равновесного» ритма (другими словами, факторы, вызывающие эти квази-ритмические отклонения, инородны и разнонаправлены). Значит, никакой ритмической форме с пропуском одного схемного ударения — ни II-й, ни III-й, ни IV-й — Державин не оказывал сколько-нибудь серьезного предпочтения перед другими. Вопреки укоренившимся воззрениям, обсуждаемые нами ритмические характеристики державинского 4-стопного ямба «рождались автоматически из свойств русского языка» (Холшевников 1991, 142). Тем не менее можно предполагать, что самый «автоматизм» здесь ритмически значим: в этом убеждает хотя бы устойчивость структуры державинского ямба (обусловленная чем-то вроде «врожденного» ритмического чувства)¹². В XX в. установка на максимальное разнообразие ритма привела не только к возрождению четырехстопника державинского типа, но и к появлению «полностью сбалансированного» варианта этого размера, в котором пропорции всех ритмических форм максимально приближены к «языковым»¹³. В противовес «естественному» ритму, в свою очередь, был открыт ритм

«предельно несбалансированный», построенный по чисто стиховым законам. Образцом такого ритма может служить стихотворение Г. Адамовича, примечательное тем, что в нем нет ни одной строчки самой «банальной», IV формы:

III Да, да... я презираю нервы,
 III Истерику, упреки, все.
 I Наш мир — широкий, щедрый, верный,
 VI Как небеса, как бытие.

II Я презираю слезы, — слышишь?
 III Бесчувственный я, так и знай!
 I Скажи, что хочешь... тише, тише...
 VII Нет, имени не называй.

II Не называй его... а впрочем
 III Все выдохлось за столько лет.
 II Воспоминанья? Ключья, ключья.
 I Надежды? Их и вовсе нет.

I Не бойся, я сильнее другого,
 III Что хочешь говори... да, да!
 I Но только нет, не это слово
 VII Немыслимое:

никогда¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 6 упомянутых вариаций 4-стопного ямба — это, по нумерации Г. А. Шенгели (1923, 72), формы I, II, III, IV, VI и VII.

² Во многом соглашаясь с критикой традиционного моделирования стиха, содержащейся в недавней статье М. И. Шапира (1996а, 281—282), мы думаем, что анализ стихового ритма с помощью языковых моделей всё-таки может быть эффективен — необходимо лишь проявить должную аккуратность в истолковании расчетных данных и «настроить» модель на стиховую норму. Результаты Тарановского, по-видимому, вполне пригодны для ориентировочных сопоставлений и оценок (каковы, в том числе, наши собственные), но вопрос о границах применимости этих результатов — как фактических, так и теоретических — далеко еще не решен. Например, в модели, рассчитанной Тарановским, произвольно учтены некоторые случаи отягчения анакруссы: в частности, «вычислялись <...> все варианты с односложными акцентными единицами в анакруссе при безударности первого икта» (1971, 423; ср. Тарановски 1953, 357 и табл. II), что противоречит, скажем, стиховой норме державинского 4-стопного ямба, где уровень отягченности анакруссы при безударности 1-го икта примерно вдвое ниже «прозаического» (о неточностях и лакунах в подсчетах Тарановского см. также Жирмунский 1968; Западов 1974; Гаспаров 1982, 197—198; Шапир 1996б, 69—70; и др.). И вместе с тем данные Тарановского — это на сегодняшний день уникальный комплекс до-

статочны полных и одновременно дифференцированных сведений о ритмике русского 4-стопного ямба XVIII—XIX вв.

³ Приведем для большей наглядности простой пример. 4-стопный ямб Пастернака начала 1940-х годов имеет черты формального сходства и с теоретическим стихом, и со стихом XVIII в. (Гаспаров 1974, 89). Вот данные по первой сотне четырехстопноямбических строк из цикла «Переделкино»: I форма — 22 стиха; II — 2; III — 17; IV — 35; VI — 13; VII — 11. Можно даже предположить, что в этом варианте 4-стопного ямба инерция форм III + VII действительно преобладает над четырехсложным пеоническим ритмом: III : II = 8,5 (в теоретическом стихе — 4,2); VII : VI = 0,85 (в теоретическом стихе — 0,80). И в то же время пропорция форм, которыми оперирует Гаспаров, остается в соответствии с языковой нормой: (III + VII) : (II + VI) = 1,9 (в теоретическом стихе — тоже 1,9), что объясняется всего лишь отсутствием ограничения на двукратный пропуск метрического ударения в строке [совокупная встречаемость VI и VII форм (24%) почти совпадает с «языковой» (25,6%)].

⁴ Материалом послужат оды 1779—1791 гг., рассмотренные в статье В. Е. Холшевникова «Ритмические пристрастия Державина» (1991, 140—149): «На смерть князя Мещерского», «Фелица», «Благодарность Фелице», «Решемыслу», «Видение Мурзы», «Бог», «На смерть графини Румянцовой», «Осень во время осады Очакова», «Изображение Фелицы», «На коварство французского возмущения», «На взятие Измаила».

⁵ Холшевников не называет самого главного фактора семантической выделенности слов: с них начинается строка. Как бы то ни было, у Державина эффект достигается только благодаря месту и порядку слов (не обязательно, впрочем, отклоняющемуся от «естественного»), а вовсе не благодаря «затрудненности» ритма (см. примеч. 9) или силе ударности икта, на который эти слова приходится. Сказанное подтверждают, в частности, стихи Пушкина, у которого 1-й икт ослаблен: *Свои вчерашние наряды // Нечаянно в углу нашла* (а не *В углу нечаянно нашла*); *От жадных уст не отымает // Бесчувственной руки своей* (а не *Руки бесчувственной своей*; здесь, кроме того, важен переход к III форме, которая у Пушкина выступает как ритмический курсив). Ср. в «Пиковой даме» (гл. IV): «Я не хотел ее смерти, — отвечал Германн: — пистолет мой не заряжен» (а не «мой пистолет не заряжен»; всюду в цитатах выделения наши. — С. Л.).

⁶ По близким причинам не рассматриваются стихи, содержащие слова с дефисным написанием: *Киргиз-Кайсацкия орды* [ср. в первой публикации «Фелицы» (1783): *Киргизкайсацкія Орды*].

⁷ В этой связи интересна корреляция между тематикой державинских од и относительной встречаемостью в них III-й и IV-й форм (см. табл. 1). Например, в «Фелице» и «Видении Мурзы» с их характерными обращениями к адресату оды более употребительны строки с местоимениями (*Достойнее тебя одной, Божественны ее черты*), чем и обусловлено существенное преобладание изомеров III формы над изомерами IV-й (9 : 6; в среднем — 44 : 42). В оде «На взятие Измаила» с ее экспрессией штурма и рекордным числом глаголов (*Идет огнистая*

заря, **Встает**, *подъемяся челом*, **Идут** в молчании *глубоком*) соотношение меняется на обратное: III форма по частотности уступает IV-й (6 : 7).

⁸ Обследованы 6 од Державина («Взятие Измаила», «Водопад», «Фелица», «Видение Мурзы», «На мальтийский орден», «На переход Альпийских гор») и «Евгений Онегин».

⁹ Насколько можно судить по уже имеющимся сведениям, в тех случаях, когда III форма не подпадает под частичный запрет или, наоборот, не является лидирующей [как в целом ряде произведений И. Бродского (см. Беглов 1996)], она чаще, чем какая-либо другая вариация 4-стопного ямба, употребляется в соответствии со «словарными возможностями» языка (ср. Шенгели 1923, 131). Встречаемость IV формы в стихе, наоборот, в полтора-два раза превышает «естественную» вероятность ее появления. Наиболее стабильна норма употребления полноударных строк, имеющая, по-видимому, чисто стиховое происхождение, — около 20—30% [значимые отклонения есть у раннего Ломоносова и Баркова, а также в стихе XX в. (см. Шапир 1996б; ср. примеч. 9)]. Державинский 4-стопный ямб лишь незначительно расходится со средними показателями по XVIII в., так что склонность к полноударности и нелюбовь к IV форме как статистические характеристики державинского ритма (Холшевников 1991, 144, 146) суть чистое недоразумение. Можно констатировать только несколько большую, чем у других поэтов XVIII в., близость Державина к языковой (прозаической) норме ритма, причем с годами эта близость усиливалась: в одах 1779—1784 гг. I форма составляет 29%, II — 4%, III — 22%, IV — 41%, VI — 4%, VII — 0,1%; в одах 1788—1791 гг. I форма составляет 30%, II — 6%, III — 22%, IV — 35%, VI — 6%, VII — 0,5% (Холшевников 1991, 143); в теоретической модели I форма составляет 11,3%, II — 6,3%, III — 26,6%, IV — 29,5%, VI — 14,2%, VII — 11,4%. Эволюция очевидна: доля II-й и VI-й форм во второй выборке в полтора раза больше, чем в первой; употребительность их возросла прежде всего за счет IV формы (которая стала не «более избегаемой», но «менее предпочитаемой»); встречаемость же III формы осталась без изменения.

¹⁰ Ниже приведены все изомеры этого типа из «Осени во время осады Очакова» (в левой колонке — III форма; в правой — II и IV; полужирным шрифтом выделены строки, допускающие изменение порядка слов без нарушения связности речи). В нерифмованных строках:

Летает и темнит луну

Махнул по свету богатырь

Сгустил туманы в облака

С цепей чугунных из пещер

В простой одежде и, власы

Над древним царством Митридата

Мужайтесь, росски Ахиллеса

В рифмованных строках:

Как колпик поседев, лежит

Твоя Екатерина мать

И в логовище лег медведь

Снопы златые на гумно

Ковыль сребрится по степям

Еще победой возблестать

Ловецки раздаются роги

Потом восторг свой изъявишь

Твою супругу удивишь

И не пасется стад при них

И лег в туманы отдохнуть

Любовь и славу воспоешь

Наместо радуг испещренных

Седые бури презирает

В опушке заяц быстроногий

По селам нимфы голосисты

Ясно, что рифма не усиливает дисбаланса между изомерами разных форм — разве что наоборот. Исключая из подсчетов изомерные пары, затрагивающие рифму, мы искусственно обедняем статистику и тем самым влияем на конечный результат. В этом главный недостаток подхода Холшевникова [и уже вовсе лишен основания неучет белых стихов (ср. Холшевников 1991, 145)].

¹¹ Так, например, Холшевников (1991, 145), в отличие от предшественников (ср. Томашевский 1929, 119—120 и др.), включил в свою выборку строки, не являющиеся «изомерами» в обычном смысле слова: мы имеем в виду стихи, которые допускают возможность перестановки не только метрических, но и любых графических слов, при двух ограничениях, одно из которых — недопустимость сдвига замыкающего строку слова, а другое — сохранение связности речи и ее «общего смысла». Первое из этих ограничений неправомерно (см. примеч. 10), второе — открывает простор для субъективных интерпретаций (из рассмотрения исключены стихи *На ней серебряной волной, Кропя забвеня росой* и т. п., хотя сочтены изомерами строки вроде *Кто благостью велик, как Бог* или *Где ветерок едва дышит*). Именно за счет графических («речевых») изомеров (*Но на меня весь свет похож — Но свет весь на меня похож; Там плов и пироги стоят — Там пироги и плов стоят*), а также из-за выбраковки большей части строк, учтенных Шенгели, в выборке Холшевникова стихов III формы оказалось не меньше, а вдвое больше, чем «двойников» II и IV формы. Вот данные Холшевникова по трем одам («На смерть князя Мещерского», «Фелица», «Видение Мурзы»): среди собственно изомеров стихи III формы относятся к стихам II и IV формы как 21:13, а среди графических изомеров — как 13:3. Возможно, метод Холшевникова и хорош для изучения ритмико-синтаксической формульности стиха, но для анализа ритмических тенденций он, как было показано, не годится.

¹² Вместе с тем устойчивость ритма 4-стопного ямба, «арифметически выровненного» по первым двум иктам (по терминологии Тарановского, тип А/Б), может быть поставлена под сомнение: тексты «переходного типа» были сгруппированы Тарановским не по хронологическому или иному объективному признаку (авторство и т. п.), но лишь с расчетом, чтобы суммарные показатели ударности 1-го и 2-го иктов в выделенных стихах совпали. Поэтому «нейтральным» мы склонны считать не этот, а державинский тип 4-стопного ямба, «сбалансированный» по трем ритмическим формам: к этому нас понуждает и анализ «изомерных» ритмов, и совпадение реального стиха с теоретической моделью и «случайным» ямбом.

¹³ С этой точки зрения показателен 4-стопный ямб Пастернака 1941—1944 гг. (см. примеч. 3), а также некоторые стихотворения Цветаевой, в частности «Сегодня таяло, сегодня...» (24 строки, из них I-й формы — 4%, II — 8%, III — 25%, IV — 38%, VI — 17%, VII — 8%). Естественность звучания этого ритма лишней раз напоминает о том, что представление о III форме как о «затрудненной» (независимо от лингвостилистических и семантических особенностей одической поэзии) не соответствует действительности.

¹⁴ Спорадически стихотворения со сходным ритмом (минимум ударности на 2-й стопе: по терминологии Тарановского, тип В) появлялись уже в XVIII в., в том числе у Державина, ритмические поиски которого нашли отражение в таких стихотворениях, как «На присоединение Таврических и Кавказских областей» (1784; 70 строк, тип В), «К Меценату» (1811), «Князь Кутузов-Смоленской» (1813?). Есть у Державина и ряд произведений с альтернирующим и с «переходным» вторичным ритмом («Горелки», 1793; «Меркурию», 1794; «Сафе», 1794; «Крестьянский праздник», 1807; и др.).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беглов, А. Л.: 1996, 'Иосиф Бродский: монотония поэтической речи: (на материале 4-стопного ямба)', *Philologica*, т. 3, № 5/7, 109—123.
- Гаспаров, М. Л.: 1974, *Современный русский стих: Метрика и ритмика*, Москва.
- Гаспаров, М. Л.: 1982, 'Материалы о ритмике русского 4-стопного ямба XVIII века', *Russian Literature*, vol. XII, № II, 195—216.
- Гаспаров, М. Л.: 1984, *Очерк истории русского стиха: Метрика; Ритмика; Рифма; Строрфика*, Москва.
- Жирмунский, В. М.: 1968, 'О национальных формах ямбического стиха', *Теория стиха*, Ленинград, 7—23.
- Западов, В. А.: 1974, *Русский стих XVIII — начала XIX века: (Ритмика): (Лекция)*, Ленинград.
- Тарановски, К.: 1953, *Руски дводелни ритмови, I—II*, Београд.
- Тарановский, К. Ф.: 1971, 'О ритмической структуре русских двусложных размеров', *Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова*, Ленинград, 420—429.
- Томашевский, Б.: 1929, *О стихе: Статьи*, Ленинград.
- Холшевников, В. Е.: 1991, *Стихovedение и поэзия*, Ленинград, 140—149.
- Шапир, М. И.: 1996а, 'Гаспаров-стихoved и Гаспаров-стихотворец: Комментарий к стихovedческому комментарию', *Русский стих: Метрика; Ритмика; Рифма; Строрфика*, Москва, 271—310.
- Шапир, М. И.: 1996б, 'У истоков русского четырехстопного ямба: генезис и эволюция ритма: (К социолнгвистической характеристике стиха раннего Ломоносова)', *Philologica*, т. 3, № 5/7, 69—101.
- Шенгели, Г.: 1923, *Трактат о русском стихе*, Издание 2-е, переработанное, Москва — Петроград, ч. I: Органическая метрика.

Т а б л и ц а 1

Изомеры III и IV ритмической формы в одическом стихе Державина

III форма	IV форма
<p>В которую стремглав свалимся (М) Желанием честей размучен (М) Достойное тебя одной (Ф) Поэзия тебе любезна (Ф) Которого закон, десница (Ф) Почувствовать добра приятство (Ф) Невидимо тебя хранят (Ф) Которая сама трудится (Р) В серебряной своей порфире (ВМ) Блистаючи с высот, она (ВМ) Божественны ее черты (ВМ) Курение мастик бесценных (ВМ) Исследовать судеб Твоих (Б) Величеством Твоих доброт (Б) Румянцовой! — Она блистала (ГР)* К спокойствию души своей (ГР) Последние свои лучи (ГР) Румяною зарей в ночи (ГР) Ужасные крыле расширя (О) Бесценными побед венцами (О) Геройские дела расскажешь (О) Коричными чело власами (ИФ) Владычицу души моей (ИФ) Сошедшися к ее престолу (ИФ) Бесчисленным ее Ордам (ИФ) Величеством ее души (ИФ)* Катилися часы златы (ИФ) В пособие себе брала (ИФ) Надзрения твоих очес (ИФ) Приветливость ее равняла (ИФ) Мятежною твоей рукой (К) Уставлены суды, законы (К) Сокрытое в груди твоей (К) Исследуем твои деянья (К) Насильственно реки стремленье (К) Разбойничьей алчбы награды (К) Величия, доброт венец (К)* Избранного собой царя (К) Разбойники вокруг суровы (ВИ) Могущею своей душой (ВИ) Достойнейший его детей (ВИ) Великими людьми желанный (ВИ) Любовию они цветут (ВИ) Лишился любви своей (ВИ)</p>	<p>Богатств стяжание минет (М) Храня обычаи, обряды (Ф) Всегда склоняешься простить (Ф) Вещай, премудрая Фелица (Ф) Прошу великого пророка (Ф) К тебе усердием горит (БФ) К тебе усердием, Фелица (БФ) Мои безмолвствуют уста (БФ) Кропя забвения росую (ВМ) Орел полунощный, огромный (ВМ) Отец! — в бессмертие Твое (Б)* Когда с горячностью обнимешь (О) Когда обильными речами (О) Она задумчива, печальна (О) В очах величие души (ИФ) Ее великие моря (ИФ) Вокруг багряная заря (ИФ) Твое орудие цари (ИФ) Тебе отвечать могла (ИФ) Тебя свидетелем звали (ИФ) Она с смеющимся лицом (ИФ) Царя великого поставить (ИФ) Воскрес отечества отец (ИФ) Твое подобие, Творец (ИФ) Врагам в сражениях казался (ИФ) Тогда б к царевниной руке (ИФ) Прямых отечества сынов (ИФ) Ярем накладывать вселенной (К) Оне содетелей неправд (К) Доколь сияние короны (К) Отцом отечества монарх (К) Избрал достойного владыку (К) Его веления творя (К) Иссяк к отечеству в любви (К) В прямой к отечеству любви (К) Идут в молчании глубоком (ВИ) Идет огнистая заря (ВИ) Они возносятся челом (ВИ) Уже бледнощца Мрамора (ВИ) Встает, подымаясь челом (ВИ) Отмстить крестовые походы (ВИ) Лиют обилие, прохлады (ВИ)</p>
$21 + 21 + 0 + 2 = 44$	$13 + 8 + 12 + 9 = 42$

Т а б л и ц а 2

Изомеры II и III ритмической формы в одическом стихе Державина

III форма	II форма
Скрыжаль заповедей святых (ИФ)	Благословляй судеб удар (М) Вострепещи, Мурза несчастный (ВМ) Превознесу тебя , прославлю (ВМ) Предусмотря свою выгоду (К)
<i>Ничто</i> от роковых кохтей (М) Сошла со облаков жена (ВМ) <i>Живи</i> и распложай науки (ГР) * <i>Живи</i> и обесмертьв себя (ГР) * <i>Давнул</i> , — и облака расселись (О) * Велик, кто олтарей достоен (ИФ) * <i>Доколь</i> не удалишь бесчинность (К) <i>Доколь</i> не защитишь невинность (К) <i>Дохни</i> , — да расцветет тобою (ВИ) *	Как укрощать страстей волнение (Ф) Не дорожа твоим покоем (Ф) Где ветерок едва дышит (Ф) Из глубины души мой (Ф) * За кораблем сребро грядою (БФ) Из теремов своих янтарных (ВМ) * И обладать собой избрал (ИФ) * И нарекла себе детьми (ИФ) * И разумеет себя ценить (ИФ) * Не позабудь ее представить (ИФ) Под золотым ее щитом (ИФ) * И обнажим тебя всего (К) * Не пременил в дела благие (К) О исполин, царю послушный (ВИ) * И затрещал Ливан кремнист (ВИ) * Как Архимед, создаст машины (ВИ) И правотою сердца пленить (ВИ) *
$1 + 1 + 5 + 3 = 10$	$10 + 9 + 1 + 1 = 21$

Условные обозначения

М — «На смерть князя Мещерского» (1779), Ф — «Фелица» (1782), БФ — «Благодарность Фелице» (1783), Р — «Решемыслу» (1783), ВМ — «Видение Мурзы» (1783—1784?), Б — «Бог» (1784), ГР — «На смерть графини Румянцовой» (1788), О — «Осень во время осады Очакова» (1788), ИФ — «Изображение Фелицы» (1789), К — «На коварство французского возмущения» (1789—1790), ВИ — «На взятие Измаила» (1791).

Полужирным курсивом выделены двусложные («ямбические») **местоимения**, полужирным прямым шрифтом — такие же **существительные**, светлым курсивом — такие же **глаголы**. Звездочкой (*) отмечены строки, насколько можно судить, не допускающие преобразования ритма (III ↔ IV & III ↔ II) без нарушения связности и смысла.

Т а б л и ц а 3

Изомеры с одним пиррихием в 4-стопном ямбе Державина (по данным Г. А. Шенгели)

Форма III	к-во	Формы II и IV	к-во
III с $\cup\cup\cup \cup\cup \cup(\cup)$ Великие твои дела Великие твои деянья	94	IV е $\cup \cup\cup\cup \cup(\cup)$ Твои великие дела Твои великие деянья	91
III б $\cup\cup \cup\cup\cup \cup'$ Заставил уважать себя	43	IV с $\cup \cup\cup\cup \cup\cup\cup$ Себя заставил уважать	58
III d $\cup\cup\cup\cup \cup\cup \cup'$ Единственную дочь свою	2	IV g $\cup \cup\cup\cup\cup\cup \cup'$ Свою единственную дочь	2
III f $\cup\cup \cup\cup\cup\cup \cup\cup$ Восторга раздаются клики	24	IV d $\cup\cup \cup\cup \cup\cup\cup\cup$ Восторга клики раздаются	115
III а $\cup \cup\cup\cup\cup \cup(\cup)$ Давно возобновить хотел Давно возобновить стремился	28	II а $\cup\cup\cup \cup\cup \cup(\cup)$ Возобновить давно хотел Возобновить давно стремился	36
III е $\cup \cup\cup\cup\cup \cup'$ Стоял многоколонный дом	15	II б $\cup\cup\cup\cup \cup\cup \cup'$ Многоколонный дом стоял	9
В с е г о	206	В с е г о	311

Т а б л и ц а 4

Изомеры с одним пиррихием в 4-стопном ямбе Пушкина (по данным Г. А. Шенгели)

Форма III	к-во	Формы II и IV	к-во
III с $\cup\cup\cup \cup\cup \cup(\cup)$ Великие твои дела Великие твои деянья	74	IV е $\cup \cup\cup\cup \cup(\cup)$ Твои великие дела Твои великие деянья	283
III б $\cup\cup \cup\cup\cup \cup'$ Заставил уважать себя	102	IV с $\cup \cup\cup\cup \cup\cup\cup$ Себя заставил уважать	383
III d $\cup\cup\cup\cup \cup\cup \cup'$ Единственную дочь свою	—	IV g $\cup \cup\cup\cup\cup\cup \cup'$ Свою единственную дочь	15
III f $\cup\cup \cup\cup\cup\cup \cup\cup$ Восторга раздаются клики	43	IV d $\cup\cup \cup\cup \cup\cup\cup\cup$ Восторга клики раздаются	195
III а $\cup \cup\cup\cup\cup \cup(\cup)$ Давно возобновить хотел Давно возобновить стремился	18	II а $\cup\cup\cup \cup\cup \cup(\cup)$ Возобновить давно хотел Возобновить давно стремился	132
III е $\cup \cup\cup\cup\cup \cup'$ Стоял многоколонный дом	16	II б $\cup\cup\cup\cup \cup\cup \cup'$ Многоколонный дом стоял	46
В с е г о	253	В с е г о	1054